

РАМИЗ АББАСЛЫ

ПЕСНЯ СЛЕПОГО

Рамиз Аббаслы

Песня слепого

«Издательские решения»

Аббаслы Р. М.

Песня слепого / Р. М. Аббаслы — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507678-6

Рассказы известного писателя Рамиза Аббаслы уже опубликовались в России и получили достойную оценку русских критиков. Основные моменты этой оценки заключаются в том, что эти рассказы посвящены культуре азербайджанского народа. Иногда затрагиваются и особенности иных культур, причем очень корректно и с большим уважением. Рассказы автора современны, неповторимы и поистине величественны в своем внимании к деталям, глубине чувств, необычности сюжета. Это новая проза, новый взгляд на мир.

ISBN 978-5-00-507678-6

© Аббаслы Р. М.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	7
Девятое место	7
Мальчик без имени	10
Песня слепого	15
Аншлаг	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Песня слепого

Рамиз Магомед оглы Аббаслы

Корректор Анна Абрамова

Дизайнер обложки Анастасия Волконская

© Рамиз Магомед оглы Аббаслы, 2019

© Анастасия Волконская, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7678-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рамиз Аббаслы

Рассказы

Девятое место

Рассказ

Я проснулся среди ночи. Поезд едет. Слышно его монотонное тарахтение: так-тарак, так-тарак... Очень шумно. У нас в метро тоже шумно, разговор с сидящим рядом человеком не получается. Лучше сидеть и молчать. Если кто-нибудь звонит по мобильному телефону, я сразу говорю: «Алло, я еду на метро, здесь такой шум, ничего не слышно. Я перезвоню вам позже».

Я думал, так должно быть. Но, когда ездил в Германию, увидел другую картину: в вагонах шума почти нет. Но эта громадина двигается с большой скоростью, ее сопровождают гул и свист. Внутри вагонов же тихо. А поезда у них какие! Локомотив похож на авиалайнер. Кабина машиниста чистая и аккуратная, как кабинет главврача частной больницы. Когда я впервые увидел это, просто обалдел; стоял как вкопанный и смотрел. Заметив меня, машинист смутился: мол, зачем этот чужак так смотрит?

Если смуглый человек в Европе ведет себя чуть-чуть не так, это сразу вызывает подозрения: не террорист ли он? А в Германии надо быть очень осторожным: там процветает исламофобия, ПЕГИДА не унимается. Немецкий машинист тоже подозревал. Заметив это, я сразу понял, что попался. Чтобы рассеять его сомнение, я сказал: «Я впервые вижу такой локомотив. Очень красивый...» Молодой рыжий немец снисходительно улыбнулся. Инцидент был исчерпан, меня не задержали.

В наших вагонах много шума. Поэтому когда я еду на поезде ночью, плохо сплю, а после поездки голова болит. На этот раз тоже так получилось: проснулся среди ночи и не могу заснуть. Я еду в вагоне СВ. В купе нас двое: я и какая-то женщина; молодая – на вид лет тридцати пяти, очень симпатичная. Она спит напротив меня. Я ее не знаю, увидел только вчера вечером. Она стояла у входа вагона. Там были кондуктор и еще несколько человек. Кондуктор взял мой билет, повернул туда-сюда, посмотрел и сказал:

– Девятое. Займите свое место. Отправка будет через пять минут.

Я зашел в вагон. Нашел свое купе и место. Вещи положил под сидение. Сел ближе к окну, раздвинув шторы, посмотрел на перрон. В это время у двери появилась целая толпа – это были те люди, которые толпились у входа в вагон. Один из них спросил, куда я еду. «Какое ему дело?» – подумал я недовольно. Но совершенно спокойно сказал, куда еду.

– Она тоже поедет с вами, – сказал тот же человек и показал на одну из двух женщин; это была та, которая спит напротив меня.

Бросив мимолетный взгляд на женщину, я сказал: «Очень хорошо». Вся толпа – человек пять-шесть – стояла у двери. Все смотрели на меня: кто-то с интересом, кто-то с улыбкой на лице. Наконец, пожелав счастливого пути, толпа удалилась. Эта женщина тоже ушла с ними, а вернулась, когда поезд тронулся с места.

Уже стемнело. Я включил свет. Освещение плохое. Наверху, у самого потолка, горит одна малюсенькая лампочка. В слабо освещенном купе напротив меня сидит чужая, совершенно незнакомая женщина. Ехать с такой дамой, конечно, радость. Надо было заводить разговор. Я спросил, куда она едет. Она назвала какое-то село одного из северо-западных районов Азербайджана.

– А вы живете в Баку? – спросил я.

– Да, я живу в Баку. Иногда еду к своим родителям, родственникам. Те, которые меня сопровождали, тоже родственники.

Постепенно набирая скорость, поезд едет. Начался бой между колесами и рельсами. Перестрелка между воюющими сторонами усиливается: так-тарак, так-тарак; так, так, так, тарак-так... А мы в купе спокойно сидим и разговариваем. Иногда она, прервав разговор, встает, высунув голову из-за двери, смотрит в коридор. «Наверно, она кого-то ищет или ждет...» – я про себя говорю. Она опять встала. Но на этот раз просто вышла из купе и пошла в сторону главного входа вагона. А через две-три минуты вернулась. Следом за ней в купе зашла кондуктор (женщина лет пятидесяти), проверила наши билеты, уточнила, кто на какой станции будет выходить, а уходя, спросила:

– Чай пить будете?

Я в поезде чай не пью. Но в купе я не один.

– Вы хотите чаю? – спросил я у моей спутницы.

Нет, она не хочет. «И я не хочу», – как бы извиняясь, сказал я кондуктору. Кондуктор ушел, а мы продолжали наш разговор.

– В нашем селе живут в основном авары. Я сама аварка. Но, как ни странно, многие думают, авары – это лезгины, – сказала женщина. На ее лице появилась улыбка, выражающая иронию и сожаление. – Это неправильно. Авары – турки.

Она закончила бывший АЗИ, работает в научно-производственном объединении. Грамотный человек. Я с интересом слушал ее. И, надо же, вдруг она опять прервала свой рассказ, опять встала, опять высунула голову из-за двери... Не знаю почему, но на этот раз она сказала, зачем так делает:

– Я кондуктору, вот этой женщине, сказала, чтобы она нашла мне другое место. Вроде обещает. Конечно, не даром: за это ей надо платить десять манатов. Я согласна. Но она почему-то долго тянет.

«Она не хочет ночевать здесь. С кондуктором ведет переговоры, ищет другое место. За это еще платить надо...» – подумал я. Но этот вопрос с ней не обсуждал. И так все ясно: молодая женщина не хочет ночевать в двухместном купе с чужим мужчиной. Потом кому что докажешь? Выключили свет, двери закрыли... Никто не поверит. Пожалуй, она права. Но это ее проблема, и она сама довольно-таки энергично взялась за дело.

Несмотря на щепетильность ситуации, мы все же продолжали нашу дружную беседу. Мы уже два часа едем. Другие пассажиры легли спать. А мы не спим: сидим и разговариваем. «Было бы лучше, если бы мы до утра вот так сидели и разговаривали», – думал я про себя. Но ей ничего не сказал. Вдруг она опять встала и сказала:

– Уже поздно. Я пойду узнаю, нашла ли она место.

Я не хотел вмешиваться в это дело. Но вдруг, неожиданно даже для себя, сказал:

– А зачем это?.. Не надо. За это еще деньги платить... Зачем? Не надо. Ложитесь и спите здесь. Да...

Она молча смотрела на меня. Я говорил отрывисто. Выражался короткими предложениями, лексикон был ограничен, часто повторял: «Не надо. Зачем?» И все-таки с помощью этих «Не надо. Зачем?» я сумел переубедить ее. Она вернулась в купе и села. Мы молча смотрели друг другу в глаза. Мне стало стыдно, я отвел глаза. После небольшой паузы она встала и стала стелить простыню. Я вышел из купе, чтобы она могла свободно работать.

Через десять минут я вернулся в купе. Выключив свет, накрывшись одеялом, она легла спать.

* * *

Я проснулся среди ночи. Молодая женщина в двухместном купе лежит спиной ко мне и спит. Сейчас ее зад выглядит больше. Вообще-то когда женщина спит на боку, ее зад кажется больше. Но это всего лишь иллюзия. На самом деле размеры всех частей тела остаются неизменными.

Лежа на боку, я смотрел на женщину, любовался ее красотой. А вдруг она проснется, повернувшись, увидит меня и наверняка скажет: «Зачем не спите? Зачем так смотрите? Но вы же обещали...» Мне стало совестно; повернулся на спину, глаза закрыл.

Хочу отключиться от реальности, все забыть, спать до утра. Не получается. А я не отступаю: глаза закрыл и не открываю. Иногда впадаю в какое-то туманное состояние. Но этот полусон продолжается недолго. Я опять просыпаюсь. Поезд едет и едет... Ночь не кончается.

Интересно, сколько времени. Мои наручные часы лежат на раскладном столике. Женщина тоже что-то положила туда. Чтобы достать часы, я должен чуть-чуть привстать, протянуть руку в сторону женщины. Я правша, левой рукой орудую не очень-то умело. С другой стороны, ночь, и в темноте непременно промахнусь, что-нибудь упадет со стола. Женщина проснется.

«Что за шум? Что вы делаете? – встревоженно спросит она. – Ну дайте же спать!»

Очень трудно будет верить ее в том, что у меня никакой черной мысли не было. Но все равно молчать тоже нельзя, и я скажу: «Я хотел достать свои часы со стола. В темноте промахнулся, их уронил. Извините за беспокойство».

«Зачем вам часы? Даже без них понятно, что глубокая ночь, люди спят. Если вам не спится, лежите спокойно, дайте людям отдохнуть», – скажет женщина и будет права.

* * *

Уже стало рассветать. Я открыл глаза. Повернув голову, посмотрел на женщину. Ее поза изменилась: повернувшись ко мне лицом, она лежит спиной на правом боку. Лицо и шея открыты. Увидев ее в раннем рассвете, я поразился. Какая она красавица! И она ехала всю ночь со мной в двухместном купе при выключенном свете и закрытых дверях, спала рядом со мной. Если не считать то, что было до рассвета... Ведь было же... Вот так это было: я наконец-то перешел границы – залез под одеяло... Как ни странно, она не спала и, обняв меня, сказала: «Вы долго колебались... Зачем? Не надо было...» Да, так было. Но только мысленно. Если не считать это, я не прикоснулся к ней, даже пальцем не тронул. Только смотрел и любовался. А теперь смотрю и восхищаюсь.

Она красиво спит. Дыхание ровное. Лицо выражает безмятежное спокойствие. Она абсолютно уверена, что никто не будет ее беспокоить: я обещал ей это. Зачем я это сделал? И зачем она довела меня до этого? Не грех ли это?

Такой случайности не бывает. Мне просто повезло. Получилось так, что я ехал ночью в двухместном купе с очень красивой женщиной. Но прежде чем лечь спать, она заколдовала меня, и я твердо обещал не беспокоить ее, не приставать к ней. Не надо было... Зачем?

Поезд едет. Колдунья красиво лежит, спокойно спит; ей нет дела до моих сожалений.

Мальчик без имени

Рассказ

– У тебя в роду есть диабетики? – спросила моя дочь, когда училась на третьем курсе мединститута.

– Точно не могу сказать, – немного подумав, сказал я.

Дочка с сожалением пожала плечами. Но в последующие дни она несколько раз повторяла этот вопрос. Я насторожился: наверно, она обнаружила какие-то признаки диабета у меня, и спросил:

– А зачем тебе это?

Выяснилось, что они, будущие врачи, уже проходили сахарный диабет, а дочка в учебнике читала, что эта болезнь передается в основном генетически – по наследству. Теперь она хочет знать, не грозит ли ей опасность с отцовской стороны.

Человек беспокоится, надо помочь. Я начал думать. Вспомнил, от чего умерли мои родители, бабушки и дедушки, их братья и сестры, кого я застал в живых. Подытожив все это, сказал:

– Я на девяносто пять процентов уверяю тебя, что в моем роду диабетиков не было. С другой стороны, я твой отец, и мне уже за пятьдесят. А у меня сахара нет. Кстати, ты со своими вопросами меня насторожила, и я уже на работе ходил в медсанчасть, сдал кровь на анализ. Сахар в норме. Болезней у меня достаточно, но, слава Богу, сахарным диабетом не болею.

Дочка поблагодарила за исчерпывающий ответ. Я сам тоже был доволен, чувствовал прилив жизненной энергии. Но спустя несколько лет все изменилось. Это случилось в городке для беженцев, куда я ездил на похороны близкого родственника.

Все мои родственники – беженцы. Большинство из них живут где попало – на окраине какого-то села, в полуразрушенном здании колхозной фермы советских времен... А некоторые живут в городках для беженцев. Там условия жизни относительно лучше. Но в этих городках я чувствую себя неловко и часто говорю себе: «Это же настоящий лабиринт...» Да, действительно, городок для беженцев очень похож на лабиринт: все улицы, дома и их крыши, земельные участки, их планировка и размеры... буквально все, даже туалеты одинаковые. Я очень удивляюсь: при таком однообразии как беженцы ориентируются там?

В античные времена лабиринт использовали и в качестве тюрьмы для особо опасных преступников. Заключенных там не охраняли, потому что при всем желании все равно они не могли бы вырваться на свободу: это было невозможно. Итак, попав в лабиринт, эти несчастные люди оставались там до конца жизни.

Лабиринт – опасное место. Но надо было ездить туда. И я съездил. Там увидел своих односельчан, в том числе и родственников. Муж моей старшей тети тоже там был. По окончании похоронной церемонии этот мужик пригласил меня к себе домой, то есть в свою келью. Безусловно, он не знает моих правил: без серьезных причин в лабиринт нельзя ходить, там нельзя бездельничать и празднично шататься, больше положенного времени задерживаться тоже нельзя. Исходя из этих правил, я сказал:

– Сейчас у меня мало времени. Как-нибудь в другой раз...

Мужик обиделся и, не скрывая своего разочарования, сказал:

– Тетя сколько лет тебя не видит. Она знает, что ты приехал, и хотела тебя видеть. Но она больная, еле ходит. Очень просила меня передать тебе...

Я был тронут. Пришлось посетить их дом – энную келью лабиринта. Вид тети меня очень разочаровал: когда-то цветущая женщина согнулась, стала похожа на букву «г», с костылем еле-еле ходила. Но ей нет семидесяти лет. У нее сахарный диабет в острой форме, а я думал, в моем роду нет диабетиков.

Через год тетя умерла. А спустя некоторое время умер младший дядя; у него тоже был диабет в острой форме. Я встревожился, опять заходил в медсанчасть, сдал кровь на анализ. Результат успокаивал: сахар в норме. Но одно дело – лабораторные анализы, а другое дело – факты. Я стал долго и тщательно анализировать этот вопрос, как шахматист анализирует отложенную партию.

У моих теток и дядей с материнской стороны есть диабет в острой форме. Они умирают, не дожив до семидесяти лет. Но их мать – моя бабушка – диабетом не болела; дожив до глубокой старости, она умерла от старческой немощи. И у моей матери диабета не было. Те родственники, которые умирают от сахарного диабета, от другой ветви – от второго брака моей бабушки, и эту болезнь унаследовали от своих отцов. Анализ «отложенной партии» дал такие результаты. Но в этой партии одна фигура не поддается анализу – это мой старший дядя. По логике, он должен был умереть первым. Но он, будучи старше своих братьев и сестер, проводил их всех на тот свет, а сам продолжает жить; ему больше восьмидесяти лет. Меня это заинтересовало. Старший дядя стал предметом моих дум. Он не поселился в городке для беженцев, живет на окраине какого-то села Бардинского района. При первой возможности я расспрашивал людей, кто его знает и видит. Я хотел узнать, как он там.

– Нормально, – говорили люди. И, казалось, вопрос исчерпан. Но я продолжал свой допрос:

– Не болеет?

– Нет, не болеет. Заядлый курильщик, но старик крепкий.

«Почему он не умирает? Диабет косил его братьев и сестер, а он живет себе как ни в чем не бывало, и скоро ему девяносто лет», – говорил я про себя. Одновременно мне стало стыдно от этой мысли: это же некрасиво, даже грех. Но, несмотря на это, вопрос был очень интригующим, и я не мог об этом не думать.

Все же надо ехать к дяде. Вообще-то, почему я до сих пор к нему не поехал? После того как началась оккупация и мои родные стали беженцами, я побывал у всех дядей и теток. Но к старшему дяде ни разу не приехал. Надо исправить эту ошибку. Правда, он угрюм, но человек положительный, провинциальный интеллигент – педагог, преподавал литературу в сельской школе. Пожалуй, надо найти время и поехать к нему. Конечно, будут упреки.

– Сколько лет я скиталец. Смотри, где я живу... А ты ни разу не заходил и не интересовался, как живет твой аксакал-дядя... – скажет он.

– Да, вы правы. Но у русских есть поговорка: говорят, лучше поздно, чем никогда. Я тоже, хоть и поздно, хочу исправить свою ошибку, – скажу я. И по-моему, неплохо сказано. А тем временем он уже переменял тему:

– Ну, принесите же чаю. – Дядя окликнет своих. Услышав обнадеживающий ответ, что чай заваривается, он из кармана вытащит пачку дешевых сигарет. А на этот раз, обращаясь ко мне, скажет:

– Ты не куришь? Нет? Ты молодец, русские поговорки знаешь и не куришь. А я в день две пачки курю.

– Две пачки! – с удивлением скажу я. – Это очень много.

– Конечно, много. Но я привык к этому проклятому яду.

Да, я поеду к дяде. Вопрос уже решен. Но вдруг совершенно неожиданно пришлось отменить этот план. И все это было связано с одним воспоминанием.

Я часто думал о дяде и как-то вспомнил одну очень интересную историю, связанную с ним. Ее рассказывала мне, вернее, не только мне одному, а всем своим детям, моя мама. Это было давно, в то время мне было десять лет. Мать рассказывала эту историю очень убедительно, начиная со слов «я была большой девочкой и все видела своими глазами», словно заколдовывала меня, и мне казалось, что я сам тоже все это видел своими глазами. Но эта история будет непонятной человеку, если он не знает, что было до этого.

Дело в том, что, когда родилась моя мама, ее отец погиб в результате несчастного случая. А через год ее мать вышла замуж вторично. Но по требованию нового мужа она не взяла с собой девочку – годовалого ребенка, а оставила ее на попечении своих сестер. Тетя – не мать. А тети этой девочки были не родные, и у каждой из этих двоюродных теток были свои родные дети. При такой обстановке бедной девочке было очень трудно: она все время плакала, хотела к своей маме. А ее мама жила в другом месте, и ей было запрещено взять свою дочку к себе, в дом нового мужа. Вопрос был поставлен так жестко, что никто не осмеливался обсуждать его заново и вносить какие-либо изменения.

Между тем у бабушки родились дети от второго брака. Но они умирали, не дожив до трех месяцев. Муж и жена были в тревоге. Несмотря на это, бабушка успела забеременеть уже в четвертый раз. Всем было ясно, что и четвертого ребенка ждет такая же участь. Что делать? Как быть? Недолго думая, муж и жена обратились к гадальщику.

Далеко от нашего села жил известный гадалщик. Они ездили к нему. Бабушка со слезами на глазах рассказывала гадальщику, пожилому и умному мужику, какое у нее горе: четыре года она замужем, родились трое детей, но все они умерли; в семье нет детей.

– Вы говорите, у вас детей нет, – сказал гадалщик. – А я здесь вижу, что у вас есть ребенок.

Я не могу сказать, как гадалщик определил, что у бабушки есть ребенок, и, говоря «я здесь вижу», что он имел в виду, в тот момент куда смотрел, что видел. Но он угадал точно. Бабушка покраснела, стала заикаться. А ее муж смущался.

– Чтобы я мог вам помочь, – сказал гадалщик, – вы должны сказать правду.

Бабушка вынуждена была рассказать и о маленькой девочке. Но при этом, говоря «мы решили оставить девочку у моих сестер», часть вины своего мужа она взяла на себя.

– Понятно, – сказал гадалщик. – Несчастье в вашем доме связано с этой девочкой. Вы очень жестоко поступили с ней. Годовалого ребенка оставили на попечении двоюродных теток. Они не уделяют ей должного внимания; скорее всего, никакого внимания не уделяют. Девочке очень трудно, она все время плачет, хочет свою маму. Ее плач дошел до самого Бога, он разозлился и проклял вас. Вы с вашим мужем прокляты и попали в ад; перестарались, поэтому в ад попали не посмертно, а при жизни.

Бабушка горько заплакала. Ее муж, опустив голову, молча сидел. А гадалщик молча смотрел на них и наконец сказал:

– Я вижу, вы беременны. – Бабушка была на шестом месяце беременности, и не заметить это было невозможно. – Но, к сожалению, судьба этого ребенка будет такой же: по вашей вине он тоже проклят...

Бабушка не смогла совладать с собой и стала плакать громко. Ее муж перенервничал.

– Слушай, хватит! – сказал он жене. – Опомнись, мы же в гостях. Стыдно.

Бабушка затихла, стала плакать беззвучно.

– А как нам быть? – после некоторой паузы ее муж спросил у гадалщика.

А гадалщик молча сидел и качал головой, и это означало «я не могу ответить на этот вопрос».

– Очень сложный вопрос, – наконец-то сказал гадалщик. – Для начала мать должна взять девочку к себе. Пусть ребенок живет рядом с матерью и радуется. Вы оба должны быть очень внимательны к ней. Бог всемогущ: все видит, все знает; он непременно заметит и перемену в вашей семье.

* * *

Вернувшись домой, мать сразу же девочку взяла к себе; она то и дело обнимала ее, целовала, говорила ласковые слова. Отчим тоже с ней был очень ласков. Какая радость! Девочка

перестала плакать, она была счастлива. А через три месяца у ее матери родился четвертый ребенок от второго брака; это был красивый здоровый мальчик. Но жаль, что он умрет через три месяца. Мальчику даже имя не давали. Мать кормила его грудью и плакала. Девочка спрашивала:

– Мама, почему ты плачешь? – Она так говорила и сама тоже плакала. А ее вопрос остался безответным.

В этом доме все покрыто мраком; это не место для человеческого жилья, это ад. К вечеру муж тоже возвращается в ад.

Однажды муж сказал жене:

– Как ты думаешь, может, еще раз съездить к гадальщику?

– Ты так думаешь? – сказала жена.

– А почему нет?

– Да?

– Да...

– Я не против. Но пусть исполнится сороковой день от рождения ребенка. Подождем еще одну неделю, потом поговорим.

Через неделю муж и жена съездили к гадальщику. Очень рано встали, чтобы успеть к вечеру вернуться домой. Девочку и мальчика без имени – зачем ему имя? – взяли с собой.

* * *

Гадальщик сразу догадался: родители хотят спасти ребенка. Они знают, что это невозможно, но все равно хотят что-то изменить. Мать умоляет, просит о помощи. Люди в отчаянии. Гадальщик очень хочет им помочь, но это невозможно. Но, как ни странно, гадальщик тоже начал думать: он ломает голову, ищет выход из безвыходного положения.

Уже полдень. Гости и семейство гадальщика сидят за столом. Они пьют чай. И кушать можно; стол накрыт, все есть: сыр, каймак, мед, разные фрукты, соленые огурцы, помидоры, лаваш, тандыр-чурек... Гости голодны, а еда застревает в горле. Девочка взяла кусочек сыра, положила в лаваш, потом откусила – ой, как вкусно! Но как только увидела мрачное лицо матери, аппетит сразу пропал; ей уже не хотелось кушать, она хотела плакать. Несчастные люди превратили в ад и очаг гадальщика. Чтобы успокоить их, трудно найти подходящие слова. Излучая мрак, как демоны, молча сидят муж и жена. Мрак сгущается. В такой обстановке нельзя кушать: еда, как яд, может отравить человека.

Трапеза закончилась. Гости скоро уедут. Пока женщины о чем-то говорят, шушукуются, гадальщик вместе с гостем выходит во двор. Человек живет в достатке. У него есть и небольшой сад, а там такие деревья! На какое-то время забывая все, мужики говорят по-хозяйски.

– Видите, какие яблоки! – сказал гадальщик. – В нашем селе, даже в соседних селах, ни у кого таких яблок нет.

Мужики отошли от дома, их голос уже никто не услышит. Но все равно гадальщик говорит шепотом. А гость, затаив дыхание, внимательно слушает.

– О нашем разговоре никто не должен знать, – сказал гадальщик. – Вы все это видели во сне. Вам приснилось, понятно?

– Да, понятно, – сказал гость.

– Так вот, никому ничего не объясняя, молча делайте то, что я вам сказал.

– Хорошо, – сказал гость.

* * *

Дальше что было, девочка видела своими глазами. И спустя много лет рассказывала нам – своим детям. Было зимнее время, мы толпились вокруг теплой печи. Вот тогда мать подробно рассказывала об этом. Свой рассказ она начала словами: «Я была большой девочкой и все видела своими глазами», в то время ей было пять лет.

– Резали скотину. Принесли весы. Ребенка – вот этого, моего младшего брата – положили на одну тарелку весов, а на другую тарелку стали класть мясо скотины до тех пор, пока те не уравнились. Мясо завернули в простыни. Потом несколько человек, плача и рыдая, ходили на кладбище с этим мясом. Завернутое в простыни мясо положили в маленькую могилу и засыпали землей. А потом домой вернулись. В тот же день мальчику дали имя.

Моя мама рассказывала нам то, что сама видела своими глазами.

В результате этого инсценирования смерти малыша мой старший дядя был спасен. Люди отчаялись, не знали, что делать; дошли до того, что стали играть с огнем: обвели вокруг пальца Азраиля – ангела смерти.

После старшего дяди у бабушки родились еще четверо детей от второго брака. Дожив до семидесяти лет, все они умерли от сахарного диабета. Среди них старший дядя стоит особняком. Он человек особый: был зачат в аду, родился в особых условиях и должен был умереть трехмесячным малышом. Но в результате спецоперации был спасен и до сих пор живет, скоро ему девяносто лет. Ни одна болезнь, даже сахарный диабет в острой форме, ему не опасна. Потому что в его «жизненно важных документах» неразбериха. По «документам» он якобы умер в детстве...

Вообще-то, какое мое дело, кому сколько лет, кто чем болеет и кто кого перехитрил? В такие дела нельзя вмешиваться: это очень опасно. И я постараюсь забыть то, что слышал в детстве; об этом не буду даже думать.

Песня слепого Рассказ

Как и многие дети Карабаха, в детстве я тоже любил петь. По-моему, хорошо пел, и за это меня приглашали петь на концерте самодеятельного коллектива. А мне самому нравилось петь на свободе, в основном когда я со своими сверстниками пас овец и коров на долине реки или на предгорных пастбищах. Ближе к закату мы возвращались с пастбищ. В низовьях долины, недалеко от речки, был кяриз – источник чистой воды, это то же самое, что и родник. Коровы и овцы стали пить воду из речки. А мы пили воду из кяриза, умывались, потом шли за стадом, которое уже направлялось в сторону деревни. Впереди шли коровы, гордо демонстрируя свои длинные рога, а за ними – козлы и овцы. Переправившись через речку, вся эта процессия вышла на прямую дорогу. Вот тогда мальчики и девочки просили меня петь. Я и сам хотел петь; все было так прекрасно и романтично, что волей-неволей хотелось петь. Но была какая-то задержка, потому что я не знал, с чего начинать. А терпение моих товарищей лопнуло, они стали умолять: «Просим, умоляем! Спой что-нибудь. Да ладно...» Я начал петь и чувствовал, что пою хорошо, даже намного лучше, чем на концерте в клубе.

Один раз я стал петь, когда ходил в школу. Это был редкий случай; я никогда не пел на дороге, когда ходил в школу. В то время я учился в шестом классе, а наши занятия начинались в полдень, то есть во вторую смену. Итак, в полдень, идя в школу, я начал петь.

В моем репертуаре в основном были народные песни. А идя в школу, я пел песню из спектакля, – когда озвучивали ее, диктор обычно так и объявлял: «Песня слепого из спектакля...» Это очень грустная и трудная песня. В тот день настроение у меня грустным не было, но почему-то стал петь именно эту песню:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь...

Я пел и продолжал свой путь. Прошел мимо одного дома. Этот дом принадлежал самому бедному человеку нашей деревни. Люди там жили очень бедно: у них ни коров, ни овец, ни козлов не было. У них, по-моему, даже кур не было. А вот собак они точно не держали. Земля их – приусадебный участок – никогда не вспахивалась, там огорода не было и деревья не росли. Одно-единственное тутовое дерево, на вид старое и чахлое, как его владелец, росло в передней части уныло-серого, нищенского дома. Куда ни глянь, везде и всюду царила страшная беднота. Пройдя мимо этого дома, краешком глаза я заметил, что второй сын бедняка, молодой человек лет двадцати, стоит ближе к воротам пустого двора и слушает, как я пою.

Я уже дошел до другого дома – соседа бедняка. Между тем песня уже была на стадии завершения; именно эту часть ее – концовку – исполнять очень трудно. Но я успешно справился с этой задачей, завершив свое выступление, облегченно вздохнул и хотел ускорить шаг, чтобы не опоздать на первый урок. Вдруг услышал звук сзади. Повернувшись, увидел, что этот молодой человек вышел на улицу и смотрит в мою сторону. Как только я повернулся, он тут же сказал: «Гурбан олум, гардаш! Спой эту песню еще раз. Очень прошу, умоляю!»

Не раздумываясь, я начал петь, точь-в-точь повторяя то, что пел до этого. А второе пение явно было лучше первого. Завершив свое выступление, я повернулся и посмотрел назад. На расстоянии около ста метров, опустив голову, молодой парень стоял так, как будто это был не живой человек, а некая статуя. Я быстро отвернулся, ускорив шаг, пошел в школу.

В то время я не придавал значения этому. Хотя что-то особенное было в просьбе молодого человека. Правда, иногда меня просили петь. Но так не просили. К тому же обычно про-

силы те люди, которые меня знали. А я не был знаком с этим человеком. Мы жили в разных, отдаленных местах: я – на верхней правобережной части деревни, в Чайкенте, а он – в нижнем левобережье. Он был старше меня, я с ним не общался никогда. Я просто знал, чей он сын и как его зовут. А он, по-моему, даже не знал, как меня зовут, и вдруг так спросил.

Впоследствии, спустя десятилетия, иногда вспоминая это событие, я старался кое-что выяснить для себя. В то время в отдаленных деревнях телевизора не было. Радио уже появилось, но мало у кого была такая роскошь. Безусловно, у этой бедной семьи тоже радиоприемника не было. А какую-то песню люди могли слышать или на свадебных торжествах, или по радио. Песня слепого грустна и не ритмична, на свадьбах таких песен не поют. И так, получается, что сын бедняка эту песню впервые услышал в моем исполнении. Эта песня – голос души судьбой обиженного человека, слепого. Чем же лучше человек очень бедный? Он гол как сокол и такой же одинокий, такой же несчастный, как слепой. Бедный сосед соседям не нужен, бедный родственник не родной человек, он чужой, вся родня сторонится его, как чумного. Мир таков, он очень жестоко обращается с людьми такого рода. В «Песне слепого» об этом и говорится: слепой, покинутый всеми, одинокий, несчастный человек отвергает этот жестокий мир, считает его несправедливым. Об этом пел и я. А сын бедного мужика услышал эту песню. Но это же голос его души! Ах, вот оно что, оказывается, есть и песня, в которой поется о его чувствах и думах! Молодой человек был шокирован. Он выскочил, побежал к воротам; хотел знать, кто же поет. А вот он, мальчик какой-то, идет в школу и поет. Интересно, кто это? Да какая разница, кто он? Главное, он хорошо поет. Молодец! Его звонкий голос порхает над деревней, как стая диких голубей, обитающих в инджирлике, шаркая своими сильными крыльями, рвется к облакам, еще дальше – к звездам... Господи, как он поет и как точно передает то, что всю жизнь волновало сердце бедного парня:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь...

* * *

Когда началась оккупация, не все жители нашей деревни успели покинуть свои дома. Остались в основном пожилые люди. Они не могли поверить тому страшному, о чем говорили многие, и часто, притом с явной иронией, спрашивали: «Как это? Зачем? А куда я пойду, если еле хожу? Нет, нет, что вы! Я даже полдня не могу прожить в другом месте, тем более в каких-то вагонах, палатках. Я останусь здесь. Убьют? А это зачем? Я никому ничего плохого не сделал...» Артиллерийские снаряды летели через их головы и недалеко от них, точно попадая в цель, разрушали наиболее заметные здания: школу, мечеть, административный центр бывшего колхоза, двухэтажные дома состоятельных людей... Обстановка накалялась. А наивные люди, в их числе был и сын бедняка, но уже не молодой, все медлили, откладывали свой уход. И вдруг... Оказывается, уже уйти куда-то подальше, спастись невозможно. Деревня была оккупирована. Разрушали все то, что можно было разрушать, сожгли все то, что можно было сжечь. Люди... Об оставшихся там людях ничего не известно, их считают пропавшими без вести.

Человек же не иголка, как это – «пропавшие без вести»? Когда деревня была оккупирована, там были люди. Их или убивали, или брали в плен. Однако есть и другая версия: их не убивали, в плен тоже не брали; их не трогали по той простой причине, что в той разрухе они долго не проживут и скоро сами умрут с голоду, – наверно, так и было.

Сын бедняка тоже остался в оккупированной деревне. Но, в отличие от других заложников, он с детства привык к лишениям и трудностям. В принципе его образ жизни не изменился. У него было и другое преимущество – его дом уцелел. Оккупантов можно понять: зачем

разрушать хижину нищего? Зачем сжигать приусадебный участок, если там ничего не растет? И так, вся недвижимость бедняка, которую он унаследовал от своего отца, осталась нетронутой. А он продолжал жить в своем привычном режиме. Наверно, еще долго будет жить. Я даже представляю, чем он занимается: с утра до вечера стоит на улице – эта дорога, которая вела в школу, возле ворот, где я его видел в последний раз, опустив голову, слушает свою любимую песню – песню слепого. Школы как таковой уже нет: ее разрушили до основания. А дорога остается, но она так заросла травой, даже не верится, что эта длинная полоса когда-то была дорогой. По этой дороге в школу ходил и мальчик, который любил петь. Особенно хорошо пел он песню слепого. Мальчика уже нет: он вырос и давно, даже задолго до оккупации, покинул деревню. А песня, которую он пел всего два раза, остается. Его звонкий голос, то поднимаясь, то опускаясь, звучит неустанно и непрестанно, кружится над развалиной деревни, как стая диких голубей в безутешном поиске разрушенного гнезда.

Вся деревня разрушена. Кладбище и мечеть тоже разрушены. Когда-то цветущая и красивая деревня превращена в огромное кладбище. В долине реки поселились демоны и дьяволы. Там по ночам бродят призраки. Везде и всюду царит гробовая тишина. Но временами слышен какой-то отвратительный звук – демоны и дьяволы о чем-то говорят между собой. Это так подло и так ужасно, что земля страшно содрогается, мертвые силятся перевернуться в своих гробах. Внизу, в чаще леса разрушенных домов, в самом центре обширной разрухи, опустив голову, стоит неподвижно, как статуя, беднейший человек мира; затаив дыхание, он слушает песню слепого:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь...

Аншлаг Рассказ

Майор однажды похвалил нас. Сказал, что мы хорошо поем. Нам было очень приятно, и мы старались петь еще лучше. Нашими слушателями же были солдаты и офицеры полка. Но это не все. Кроме всякого рода зданий, на территории полка были еще одноэтажные финские дома с небольшими земельными участками. Пройдя дорогу между рядами этих домов, мы видели там белокурых молодых женщин в небрежно застегнутых легких халатах, при виде которых наши молодые сердца смутно волновались; там же, в тени деревьев, резвились дети, – это были семьи офицеров. Значит, когда мы пели, нас слушали не только солдаты и офицеры, но и эти молодые женщины и их дети.

Мы не были певцами. Мы были студентами, но не учились в консерватории; мы учились в университете. Сейчас университетов стало больше; практически все высшие учебные заведения называются университетами. А в то время в Азербайджане был всего один университет. И мы гордились тем, что учимся именно в этом единственном университете. Кроме всяких кафедр, у нас еще была военная кафедра. Начиная со второго курса в течение трех лет нас, студентов-парней, учили военному делу. По окончании четвертого курса, сдав экзамен, мы получали звания лейтенанта и стали офицерами запаса.

Вот, наконец-то, и мы окончили четвертый курс, сдавали экзамены. А надо было сдавать еще один – последний экзамен. Но сдавать его было не так-то просто, это была целая история. Чтобы сдавать экзамен по военному делу, студентов забрали в какую-то военную часть; ребята там два месяца жили в солдатских казармах, бесплатно питались в солдатской столовой, повторяли весь пройденный материал, стреляли из пистолетов, автоматов, пулеметов, участвовали в мнимой атаке позиций вероятного противника, совершали длинный марш-бросок, а в самом конце сдавали экзамен.

Студентов нескольких факультетов, в том числе и нас, ребят с химфака, забрали в Нахичевань. Там, в селе Киврак, недалеко от советско-иранской границы, расквартировался советский полк. Чтобы попасть туда мы долго, почти сутки, ехали на поезде. В общем вагоне, куда нас запихали, было жарко, отвратительно душно и очень тесно; народу было так много, что даже найти место, чтобы посидеть, было невозможно. Я с одним из моих товарищей по факультету в поисках свободного места долго крутился. Но, увы, все места были заняты. Мы уныло стояли и ждали: может быть, кто-то встанет, и освободится место для нас. Наконец, сбылась наша мечта, но не полностью: освободилось только одно место, и мой товарищ быстро сел туда. Через некоторое время он ухитрился каким-то образом найти место и для меня рядом с собой. До этого дня я его не очень-то хорошо знал, потому что он, как оставшийся на втором курсе, присоединился к нам позже. А к таким людям, как правило, относились не очень-то уважительно, считая их чуть ли второсортными. А он, мой товарищ, оказывается, очень хороший парень и в этой трудной поездке меня опекал, как заботливый старший брат. Я стал его уважать, ценить и за период двухмесячных сборов больше всех с ним общался; мы часто сидели за шахматной доской и, отключаясь от пустой болтовни, молча играли в шахматы. Между прочим, ежедневные тренировки дали свои положительные результаты: в начале сборов я понял, что почти все ребята играют лучше меня, а в конце же я стал выигрывать всех, за исключением одного, который был не самоучкой, как мы; в детстве он шахматами занимался профессионально и даже стал чемпионом среди школьников своего района.

Напротив нас на высоте примерно двух с половиной метров, на третьем ярусе вагона, спал один студент. А мы все, сидящие и стоящие на ногах, завидовали этому счастливчику. А тот спокойно спал себе как ни в чем не бывало. Так продолжалось до двух часов ночи. Вдруг среди ночи счастливчик зашевелился, проснулся, повернулся, открыл свои глаза и стал с вер-

шины своего благополучия смотреть на нас тупым и сонным взглядом. Я его не знал. Вообще, как ни странно, кроме своих товарищей по факультету, остальных студентов я не знал, как будто эти четыре года мы учились не в одном, а в разных учебных заведениях. Счастливчик приподнялся, повернулся в обратную сторону, спустился вниз и пошел в сторону туалета. Еле пробираясь в тесном вагоне, он шел и шел, а я смотрел ему вслед. Наконец, он дошел до туалета, встал в очередь. А в очереди было приблизительно семь-восемь человек. Значит, он не скоро вернется, а это заветное место будет свободным примерно 25—30 минут, – так подумав, я посмотрел вверх. Мой товарищ тоже смотрел вверх и, сказав: «Я займу это место», быстро поднялся со своего места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.